

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 25

1965

Майя РУМЯНЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Ч А Ё К А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 25

Майя РУМЯНЦЕВА

Ч А Й К А

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1965

Майя РУМЯНЦЕВА

Майя Александровна Румянцева родилась в Москве. Детство ее совпало с тяжелыми военными годами. Она рано начала трудовую жизнь. Работала грузчицей, лаборанткой. После окончания школы рабочей молодежи училась на заочном отделении Тимирязевской академии и одновременно работала агролесомелиоратором. Позднее стала журналисткой. Первое стихотворение Майи Румянцевой было опубликовано в 1957 году в газете Прибалтийского военного округа «За родину». С тех пор ее стихи появляются в газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Огонек», «Подъем», «Смена», «Работница», «Советская женщина», «Сельская молодежь».

В 1962 году в Липецком областном издательстве вышла первая книга стихов Майи Румянцевой, «Грузчица», а в 1964 году издательство «Молодая гвардия» выпустило ее вторую книгу — «Девичья фамилия».

У ПАМЯТНИКА ЛЕНИНУ

Над площадями ты вставал живой.
В распахнутом пальто,
С открытой головой.
И от империи
летели
перья.
Была империя — и нет империи.
...Последний самодур
с шальной пролетной тройки
Бросает пятаки,
как на помин души.
Последний фабрикант
под бурю забастовки
Последние
считает барыши.
И глаз заплаканный
притихшего притона
Последний раз
униженно
качается.
И царь — уже не царь.
И царство — вне закона.
Продажная
империя
кончается.
Тебе за это — памятник и память.
Где музыка,
Где алое полощется,
Тебя не из гранита
надо ставить —
Из голосов,
бушующих над площадью...
Я знаю больше,
чем скульптура скажет.
Я знаю голос твой,
Твое движение
каждое.

Я знаю жизнь твою
И тяготы гоненья
И этот проклятый веками пистолет.
...Я знаю,
где болит
твое раненье,
Которого
на всех скульптурах
нет...
Над площадями
ты стоишь живой.
В распахнутом пальто,
с открытой головой.
На перекрестке
четырёх ветров
Ладонь твоя широкая
застыла.
...Я подойду,
Я застегну твоё пальто,
Чтобы тебе
теплее
было...

ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ

Цокот от подковы...
В кузнице —
до пота...
Прадед мне горбом своим
Фамилию
заработал.
«Р-р-раз!..» —
по наковальне —
И искры
бирюзовые,
Выбивал фамилию:
Куз-не-цовы...
Выбивал он на сто лет,
Ударяя
молотом.
Подарил нам
жаркую,
Подарил нам с цокотом.

А в роду —
 ну как на грех! —
Все у нас
 девчонки.
Растеряли девичью,
Растеряли
 звонкую,
В кузнице сработанную,
Среди искры синей.
...Мне б призвать их
 к бунту —
Не менять фамилии!..
...Где-то в светлых загсах
Предавали прадеда мы,
Пропили фамилию
За столами
 свадебными..
В нареченной нынче мне
Что-то есть
 мещанское,
Есть в ней сдобность
 пышная
С купеческой
 закваскою.
Есть в ней от оладьев,
Самоваров
 тучных.
Что-то есть сундучное,
Скучное-прескучное..
...Где ты, моя девичья,
В кузнице
 рожденная?
До сих пор хожу я,
Яростно влюбленная
В искры наковален,
В цокот от коня,
В девичью фамилию
Из звона
И огня.

ТРУБОЧИСТ

Трубочистом в детстве пугали.
Говорили: — В трубу унесет...
А дрова в печи затихали,
В горле труб
молчал дымоход...
И тогда приходил он, черный,
Как из сказки какой-то страшной.
Трижды руганный,
Трижды копченый улыбался ребятам странно...
И пугающе вдруг слепила
И белков,
И зубов белизна...
И тогда непонятная сила
Вдруг из комнаты нас несла...
Пусть простят мне детство несмелое,
Пусть простят мою веру в небыль..
...Трубы — это соединение
Малых печек с огромным небом...
И теперь я знаю, как трудно,
Если очень высокие трубы...
И теперь я знаю, как мудро
Прокопченным стоять на ветру,
Тягу дымящую дерзко и шумно
За собою позвать в высоту...
Кто сказал, что печи — без звука?
В них огонь распляшется ряно —
Донесется до вашего слуха
Широта и размах органа...

Расскажите же глупому детству
Про волшебников
 добрых и черных,
Тех,
Кто в печи
 приносит
 песни
На плечах своих
 прокопченных...

ГРУЗЧИЦА

Не верят мне, что работала грузчицей.
Не верят мне:
С виду, мол,
 нежная.
Одеты руки в перчатки с кружевцем,
И маникюр признаю я,
 грешная.
Да только люблю я дворы гудящие,
Куда трехтонки въезжают с храпом.
Люблю я это буйство грузящее
И бегство
 ящиков
 вниз
 по трапам...
И кожу цвета густейшего чая,
И эту трепетность
 рук летящих,
Когда лет двадцать всего за плечами
Да мешок
 с капустой
 хрустящей.
Вокруг меня все ходит и кружится...
Не верят мне, что работала грузчицей.
А я во дворе, где идет разгрузка,
На юность свою загляделась с завистью.
И я продолжаю
 ту же погрузку —
Людских печалей,
 тревог
 и радостей.

И мысли в строки
 грузятся, грузятся...
Во мне бунтует
 прежняя
 грузчица!

БАЛЛАДА О КРАПИВЕ

Поле, луг да бурелом...
С голубыми ливнями
Бродит детство за селом
Тропками крапивными.
В царстве чащ и бурелома,
Встав хозяйкой строгой,
Любопытству озорному
Жжет крапива ноги...

И припомнила я дни —
Горше нет на свете —
На селе живут одни
Женщины да дети.
Поле, луг и бурелом
Да в воронках нивы...

Рвали дети за селом
Для борща крапиву.
Шел солдат к селу, домой,
Странною походкой.
Шел крапивою густой.
Резкий шаг,
короткий.

И кричали мы вслед:
— Там крапива, дядя!
Лишь рукой махнул в ответ,
Да крапиву гладит.
Чуть прикрытые глаза,
На ресницах капли.
Может, это вдруг роса
На крапиву капнула?

Только после меж ребят
Говорилось странное:
Мол, пришел с войны солдат,
А ноги — деревянные.

И шепталось меж ребят
Жуткое и горькое,
Что, мол, ночью спит солдат,—
А ноги те — под койкою.
Чуть прикрытые глаза,
На ресницах капли...
Может, правда, то роса
На крапиву капнула?

Разве нам понятно было,
Что большее во сто крат,
Если в зарослях крапивы
Ноги
 больше
 не горят...

Поле, луг да бурелом...
С голубыми ливнями
Бродит детство за селом
Тропками крапивными...
В царстве чащ и бурелома,
Встав хозяйкой строгой,
Любопытству озорному
Жжет
 крапива
 ноги...
Пусть гуляют босиком
По земле без усталости.
Каждый стебель, каждый ком
Пусть их ноги чувствуют...

БАЛЛАДА О СЕДЫХ

Говорят, нынче в моде седые волосы.
И «седеет»
 бездумно
 молодость,
И девчонка лет двадцати
Может гордо
 седою
Пройти.
И какому кощунству
 в угоду
И кому это ставить в вину?..

Как нельзя вводить
 горе
 в моду,
Так нельзя вводить седину.
Память, стой...
 Замри...
 Это надо...
То из жизни моей — не из книжки..
...Из блокадного
 Ленинграда
Привезли
 седого
 мальчишку,
Я смотрела на чуб с перламутром
И в глаза его
 очень взрослые.
Среди нас он был
 самым мудрым,
Поседевший от горя подросток..
...А еще я помню солдата.
Он контужен был взрывом
 гранаты,
И оглох,
И навек
 онемел.
Вот тогда, говорят,
 поседел..
О седая
 мудрая
 старость!
О седины неравных
 боев!
Сколько людям седин
 досталось
От неотданных
 городов!..
А от тех, что пришлось
 отдать,
Поседевших не сосчитать..
Говорят, нынче в моде седины.
Нет, не мода была тогда..
...В городах седые дымины,
И седая в селе
 лебедя,

Так нельзя вводить седину.

Замри...

То из жизни моей — не из книжки...

Ленинграда

седого

Я смотрела на чуб с перламутром

очень взрослые.

самым мудрым,

...А еще я помню солдата.

гранаты,

И навек

Вот тогда, говорят,

О седая

старость!

боев!

Сколько людям седин

От неотданных

А от тех, что пришлось

Поседевших не сосчитать...

Нет, не мода была тогда...

И седая в селе

лебеда,

И седые бабы-вдовицы,
И глаза,
 седые от слез,
И от пепла седые
 лица
Над холмом у седых
 берез...
Пусть сейчас не война. Не война,
Но от горя растёт седина...
Эх ты, модница,
 злая молодость!
Над улыбкой — седая прядь.
...Это даже похоже
 на подлость —
За полтинник
 седою
 стать.
Я не против дерзости в моде.
Я за то, чтобы модною слыть.
Но седины,
 как славу,
 как орден,
Надо, выстрадав,
 заслужить...

В ДОМЕ — БЕДА!

В доме — беда! Беда в этих комнатах,
Где тишина,
 словно в сонных омутах.
Где мебель блестит полированными
 дверцами,
Где в танце балерины фарфорово-нежные.
Там примораживаются два сердца
К холодильнику
 снежному-снежному...
Есть всё. И нет ничего там.
Нет в доме самого главного:
Смеха,
 любви,
 детей
 и еще чего-то

Утерянного —

давнего-давнего...

Постель — одна. Сверкает атласным.

Над нею картина любовь пророчит.

Семья...

Так, наверное, только дразнят

Обжитость этих двух

одинок.

И оба не стары. Стареть начинают.

И не годами —

равнодушным молчанием.

Длинными

телевизионными

вечерами,

Которые подаются

к чаю...

Да бросьте!

Да плюньте в лицо

полированной!

Уйдите, уйдите за счастьем ненайденным.

Я не против жизни мебелированной.

Я против жизни

обкраденной!

Ведь счастье найти —

это в вашей

власти.

Ведь двое таких же не спят

до рассвета,

Ведь двое таких же у термоса где-то

Обжигают губы

От счастья.

В доме беда! Беда в этих комнатах,

Где тишина,

словно в сонных омутах,

Где мебель блестит полированными

дверцами,

Где в танце балерины фарфорово-нежные.

Там примораживаются

два нелюбящих

сердца

К холодильнику

снежному-снежному...

ГАЛКА

Галка спорила на «американку»,
Ребятам с улыбкой проигрывала Галка.
Она врывалась

восторженной
с улицы

И после рассказывала,
Кто как

целуется.
Конфеты «Забава»
на стол

рассыпала

И завораживала
нас
вечерами.

О яркость оберток
под цвет краснотала,

Девчонка
С проспоренными
губами,

За щедрость одаренная
подарками!

Пакеты, пакеты — на тумбочке
Галкиной.

Съедали мы Галку
Глазами

квадратными,
И удивительную,
И непонятную...
И как я тогда
Той девчонке
завидовала!..

Ее щедроте
И царственной
легкости!

И как я тогда
перед ней
до обидного

Стеснялась своей
Излишней
серьезности!

Нас много ходило
в «девчатах с гонором»,

И в толстых чулках,
 И в туфлях-парусинках...
 А рядом она
 проплывала гордо
 В лаковых лодочках и в «паутинке».
 Мы шли к корпусам,
 Под мышкою книжки,
 А Галкин портфель
 Носили
 мальчишки.
 В читальнях вздыхали мы
 перед сессией,
 А Галка
 в машине
 каталась
 с профессором...
 Ах, где ты сейчас,
 Перелетная,
 Броская,
 Галка-красавица,
 Галка-забава?..
 И что еще в жизни
 легко и просто
 Ты отдавала
 за цвет
 краснотала?
 Куда тебя вынесли
 легкие лодочки
 И цвета измены
 желтая челочка?
 Порою встречаю вас,
 Женщины-галки.
 Мужчины, мужчины...
 Подарки,
 Подарки...
 Вы с первой же встречи
 Податливо-смелые,
 Когда вам мужчина
 Карьеру
 делает.
 О жажда выгоды — целую вечность!
 И вам ли одаривать ласкою
 лишних?
 ...Не осуждаю я
 влюбчивых женщин,

Я обвиняю
 совсем не любивших...
Теперь я тебе ничуть не завидую,
Девчонка практичная, как меняла.
...Я знаю,
Как мало ты в жизни
 выиграла,
Я знаю,
Как много
 ты в ней
Проиграла...

ЦЫГАН

Вячеславу Сомову.

Мимо окон моих
 цыган на коне.
Проскакал,
 весь кофейно-атласный,
Мимо окон моих
 промелькнул, как в огне,
В шелковистой
 рубашке
 красной.
Да такой,
 что, пожалуй, и в табор
Цыганский
Без раздумий за ним
 пойдешь,
Да такой сатанинский,
 да такой
 азиатский,
Что и камни
 бросило
 в дрожь...
А копыта о камни
 цокают, цокают,
С горизонта дорога раскинула клеш...
Может, мимо зоря
 пролетела далекая —
Та, которая к вечеру
 бросится
 в рожь...

Показалась вдруг комната
узкой и тесной,
Потянуло под вечно бегущее небо.
Мне бы ветра сейчас,
да порывистой песни,
Да огромных, бескрайних
просторов мне бы!
И ушла я туда,
где и края не видно,
Где разбросаны ярко косынки полян...
Ты, земля, удивительна,
Ты, земля, неожиданна,
Вся из радуг и ветра,
Как жгучий цыган!..

В ЛОДКЕ

Здесь волны, и небо, и ветер — синей.
Забывшие весла
за лодкой забились,
Может, напрасно
на шее твоей
Руки мои
заблудились...
И этот восторг,
Что широк, как простор,
Быть может, пришел на мгновенье.
Есть что-то в глазах
от легкости волн,
Есть что-то в словах
от морского крушенья.
Не будет мне страшно
над пропастью водной,
Где — только с тобой
да глубинная жуть.
...Любовь иногда
похожа на подвиг,
На лодку,
способную в море рискнуть.
Спасибо за губы
в соленых брызгах.
Спасибо за море,
что так глубоко.

Спасибо за небо,
 упавшее близко.
За берег с разлукой,
 что стал далеко.
За то, что ты пахнешь
 морским прибоем.
...Спасибо,
Что путаю море... с тобою.

ЧАЙКА

Практичные безбожно,
Земные люди
 лгут,
Что будто бы
 из-за рыбешки
Так жадно к морю
 чайки льнут,
Неправда.
Я сама видала,
Как крылья чаек
 беспокойны и тревожны,
Когда над морем —
 ожиданье шквала,
Как прикрывают они море
 настороженно,
И как они чернеют
 в час моряны.
И, перья распластав,
 кричат от горя.
И как они,
 над тихим морем пьяны,
Зовут, зовут
 с собою в небо
 море...
Оно им — счастье, перемешанное с болью,
Их высота и чистота — лишь морю...
И я — твоя нечаянная
 чайка.
Во мне — твои просторы,
 волны,
 бури.
Во мне — твои припрятанные
 тайны.

Все светлое твое
и хмурое.
Как к морю,
я приду к тебе,
босая.
Прильну доверчиво
к глубинам вод...
...Скажи,
А чайки тоже
умирают,
Когда их море
предает?..

* * *

До тебя ничего не помню...
Может, прошлого вовсе и не было.
Мы с тобою, как лодка с морем.
Мы с тобою, как птица с небом.
Разлучи — и конец движенью
Крыльев с облаком,
весёл с волнами.
Мы с тобою — одно волнение,
Одно счастье
с двумя сердцами.
Я люблю
до закрытия век.
Я люблю
до открытия губ.
Ты — мой бунт
и ты — мой побег
От других
и обидных рук.
Приходи ко мне,
мой угрюмый.
У плеча твоего дышу.
Называй меня
самою глупой,
Все запретное я
разрешу.
Заколдуют слова надо мною.
В них — загадка и моря и неба...
...До тебя
ничего не помню,
До тебя
меня просто... не было...

ПОЕЗДАМ

Ненавижу я вас, поезда,
Потому что несете разлуку,
Потому что поют провода,
Когда в горестном трепете руки.
Не люблю я измученность рельс.
Ведь крутые их повороты
Не на землю

падают здесь —
На мою тоску да заботу.
Тяжело паровоз пыхтит.
Челoveчьим вдруг чем-то растрогал.
Друг железный, ты мне

возврати

Мое счастье

из дальней дороги.

Я приду,
Я приду на вокзал,
Среди рук, среди лиц незнакомых
Буду долго искать глаза,
Без которых тоскливо дома.
Как люблю я вас, поезда,
Потому что вы против разлуки,
Потому что поют провода,
Когда в радостном трепете руки.

* * *

Он любит музыку грустную.
Сидит он в зале под люстрами.
Глаза ладонью прикрыты.
И кажется, будто

спит он.

Вливается нота каждая
В память и в сердце жаждою.
И отойдут куда-то
Дети,

жена,

телевизор..

И звуки

падают, падают,
Желанное что-то приблизив.
Качнутся в памяти зыбко

Глаза и брови девчонки.
В ней что-то
от первой скрипки
Неуловимое,
тонкое...
И музыка — как восстание.
И все смычки — за свидание.
За то,
чтоб любилося гордо,
Порывисто, как гроза.
За то,
чтобы взять ее голову
И долго смотреть в глаза.
И чтобы в зрачках не отчаянье
Было в минуты прощания.
И чтобы не было краденым
Счастье, что в жизни раз.
Бродит мелодия ранено
Вся из свиданий и глаз...

В РОЛИ МОЦАРТА

Иннокентию Смоктуновскому.

Ах, Моцарт,
Легковерный Моцарт!
Веселый,
С грустными глазами.
Тревога с клавишей
то рвется,
То затихает
под руками.
Над миром он царит в тот миг,
Легко мелодия летит...
И век,
Фальшивый, как парик,
За эту легкость
отомстит...
Но это после.
А пока
Спокойна тонкая рука.
Жабо.
Откинута пола.

Он — смех.

Он — грусть.

Он — бог затей.

Велик

В непониманье зла.

Велик в наивности своей.

Сейчас... Сейчас...

Я это знаю...

Сжав губы, я опять молчу.

Во мне — желание крикнуть в зале:

— Не умирай... Я не хочу...

Но он умрет.

Но он умрет...

...Мне долго помнить этот кубок,

Руки отчаянной полет

И недосказанные

губы.

Мне открывать с тоскою двери,

Идти по улицам ночным.

Мне клясть

проклятого Сальери,

Мне слышать древний клавесин.

А было...

Сотни репетиций...

Над клавишами плыли руки...

И сотни раз потом «травился»,

И «умирал» под горе звуков...

И, передав сто раз веселье,

О чем-то думал

глубоко...

И жить

И умирать

за гения,

Наверно,

тоже нелегко...

До удивленья мной не понято,

Как смог он быть

таким похожим.

На сто смертей

мудрее Моцарта,

На два столетия

моложе...

ГРУБЫЕ МУЖЬЯ

Понимаю вас,
жены непреданные...

Что вас делает
злей и шальней:

Письма нежные
«до востребования»

Или грубые руки мужей?..

Были платья

Под цвет белой ночи.

Были души белее платьев.

И глаза были

непорочными,

И стыдливými были

объятыя.

А мужья

совсем беспричинно

Забывали уж в первый год,

Что в глазах у вас —

СИНИЕ ЛИВНИ

И что брови ваши — вразлет.

Горе с радостью перемещивая,

Вас трясло по семейным ухабинам.

И в какую минуту грешную

Из девчонок

Вы стали

бабами?..

Подозрительными,

С причитаннями,

Стали бабами

с бабьей тоской.

Стали руки —

две вьюги отчаянные,

А в телах закружил

непокой.

И в какие минуты

ненужные

Ваши души

вдруг очерствели?

За столом вы ругались с мужем

И мирились потом

В постели.

Среди ссор и обид случайных

Вы стояли
наги и обкрадены...
И тогда
По ночам
мечтали вы
О единственном том, ненайденном...
В вас жива еще
жажда невнятного
И тоска
о девичьем и давнем...
...Ходят женщины на почтамты,
Руки тянутся
к письмам тайным.
С нетерпением вскрывают конверты,
Вдруг отчаянно хорошея,
И, склонившись над строчками
светлыми,
Забывают
Грубых
Мужей...

ПОЗДНЕЕ ОПРАВДАНИЕ

(Короткая поэма)

1

Говорят, что бабка Прасковья
Была первой красавицей здешней...
И жених был,
конюх кудрявый,
Да погиб от коня на выгоне.
Убивалась.
Собрали приданое
Да за Прошку
рыжего
выдали.
Он наматывал косы на руку:
— Потаскуха!.. Шлюха!..— кричал.
И из душной
ситцевой спаленки
На мороз
босиком
выгонял...

— Сын не мой...— гремел басовито.
— Твой... Поверь... Не виновна я...
Сколько слез было в снег

пролито,
На щеках прогорело огня.
Сколько раз под дождями мокла,
Под полою сынишку пряча...
...На селе

бабы добрые
охали.

На селе
бабы злые
судачили...

2

Говорят, что бабка Прасковья
Была первой красавицей здешней...
В тридцать лет морщины

глубокие
Да седые брови
подковой.

Говорят, что была ясноокою
Да ослепла от слез Прасковья.
Может, рада была Прасковья
Вдруг не видеть

глаз мужа зеленых,
Вдруг не видеть
рыжие брови

Да над бровью
родинку черную.

Говорил он: — Держу из милости.

Говорил он: — Кормлю не свою.

Только б сына,
ей думалось,

вырастить
И терпела все
ради него.

3

Нынче в доме идет веселье:
Подарила невестка внучка.
И летает

над всем селеньем

Смех, да гомон,
да песни звучные.
Эх, Прасковья, белые волосы!
Сколько прожито тяжких лет!
Слышит бабий говор вполголоса:
— А внучонок-то — вылитый дед...
Говорят, что рыжие брови,
А над бровью — родинка черная.
Что ж ты плачешь,
бабка Прасковья,
Над притихшим своим внучонком?..
Не унять,
не сдержать рыданий.
Плачь!
Выплакивай жизнь свою!
Это позднее оправданье
Как награда
за скорбь твою.
Прохор смотрит на бабку
незрячую,
Будто что-то недосказал.
Прохор, Прохор,
куда же ты спрячешь
Подобревшие вдруг глаза?..
Пейте, гости, за мир с любовью!
За оболганных и безгрешных!
...Говорят, что бабка Прасковья
Была первой
красавицей здешней...

ПРАВДА

Нам истину эту сказать было надо.
 Хоть горькая правда,
 Но чистая правда...
 И мы на нее
 Заслужили
 право.
 ...Ему я верила,
 очень верила
 В военной кружилихе
 давнего времени.
 ...Большой и усатый,
 с бровями намокшими,

В гранитной шинели стоял он на площади,
Своей головою в небо врастая.

А я была

с четверть его пьедестала.

А я была маленькой,
В маминых валенках.

А надо мною — огромные беды.

И я не от тех, кто работал в ватниках,

А от него

ожидала

победы...

А люди с трехсменки шагали устало,
Гасили огонь в обожженных кварталах,

А люди копали траншеи,

канавины

И тяжело дышали

На варежки рваные...

...А я не от них ожидала

победы...

Шли партизанить дети и деды,

Заживо парни сгорали в пламени,

Солдаты шли в бой с незажившими

ранами,

И слепли,

и глохли,

и падали где-то...

...А я не от них

ожидала

победы...

О непомерная жажда славы,

Сколько жизней ты

обесславила?!

Простите, люди с глазами упрямыми,

Простите, люди с бинтами алыми,

Простите, люди,

которых уж нету,

Ведь я не от вас

ожидала

победы...

Большой и усатый,

с бровями намокшими,

С гранитной улыбкой

стоял он на площади.

И люди казались такими маленькими

У этого

памятника...

Мне говорят: «Молчалива ты очень».
Мне говорят: «Ты — сама неуверенность».
Может, его величье порочное
Меня в себе

разуверило?!
Мне очень нужна эта правда, поверьте,
С ней каждая жизнь

значимее
стала.

Я верю, я знаю: наши дети
Не будут
четвертью пьедестала.

КРАСОТА

(Короткая поэма)

Николаю Кишакову.

1

Кто-то кричал: — Нынче Пашка пашет...—
И мы бежали к дымящейся пашне
И, встав потом у зеленой обочины,
С ребячьим восторгом глядели оттуда...
А он, у края пропасти точно,
Трактор свой

разворачивал круто.
Казалось, машину потянет к обрыву,
И бабы глаза закрывали пугливо
И после кричали: — Эх, бесшабашный...
Лукаво им подмигивал Пашка
И улыбался вовсю, белозубо,
И голос его летел на версту:
— Полюби меня, Маруся!
Полюби за красоту!

2

Были очи черней, чем уголь.
Были брови — тревожное чудо.
Забиралась я в дальний угол,
На него смотрела оттуда.

В десять лет красота непонятным,
Чем-то будущим заволнует.
Выходил он,

 высокий и ладный,
Под улыбку свою озорную...
А в ресницах запутало лихо
И гитары небрежный звон.
И мужья,

 ревниво окликнув,
Уводили из клуба жен.
Брови — ломаны,
Кверху рвутся,
Да над струнами пальцы выются,

По ладам бегут в высоту:
— Полюби меня, Маруся!
Полюби за красоту!

3

Небо — черное.
Небо — грозное.
Фронтовые дальние выстрелы.
В эшелоне под стук колесный
Уезжать далеко трактористу.
И вернуться зимой
Домой...
Вместо ног — два обрубка-квадрата,
И лицо все ожогами смято...
Где ж девалась твоя высота?..
Где ж девалась твоя красота?..
И когда он пил до угару,
То кричал: — Для чего мне жить?!.
И за гриф,

 как за глотку,
 гитару,
Словно хочет ее задушить.
И по ветру бросал ее кручено,
Телогрейку рванув с плеча...
И катался по снегу жгучему
И, в сугробы уткнувшись, кричал.
...Тяжесть века
И горе века —
На земле плачет
 полчеловека...

И не струны,
А стоны рвутся.
И слова с тоской в пустоту:
— Полюби... меня... Маруся...
Полюби... за красоту...

4

Нет. Его не оплакивали,
А всем селом поднимали.
Протезы,
 желты, как факелы,
Яростно полыхали...
И от него не водкой,
А новой кожей пахло.
И шел он
 тяжелой походкой
Волнуясь,
 полем непаханым...
И все начинал он заново:
И это вращенье колес,
И медленное и плавное
Открытие первых борозд.
И под ногами тяжелыми
Рычал побежденный мотор.
Впервые
 с глазами серьезными
Пашка ушел в простор...
И пашня с дымком и грачами
Легла у него за плечами.
И сотни глаз нараспашку
Смотрели на нового Пашку.
И сам в себе открывал он
И силу
И широту...
...— Полюби его, Маруся...
Полюби...
За красоту!.

* * *

— Ау!... Ау!... — я не зову,
Я просто так по перелескам
Кричу
 такое деревенское,
Такое теплое: — Ау-у...

И я — одна.
Да где ж одна?
Весь мир аукается рядом.
Кукушка надо мной видна,
Сто лет пророчит мне в награду.

— За что?

— За что?

Скажи мне, серая,
Что для земли я этой сделала?
Как заплатить за все, что вижу,
За все, что слышу, что вбираю?
Чем заплатить, скажи, должна я
За это поле

караваев,
За этот лен простоволосый,
За даль.

за свет.

И за трепет вѣсен
И за загадку вдохновенья —
За это вечное горенье
В словах моих

и в жажде мыслей,
За всё — далекое и близкое?..

А у меня — лишь две руки
И сердце,

в песнях до отказа.

И день за днем — вперегонки
И жизнь проходит как-то сразу.

Всё, что имею,

в дар прими,

Но знаю, что и жизни — мало..

...Кукушка,

щедрая как мир,

Мне века три накуковала...

СОДЕРЖАНИЕ

У памятника Ленину	3
Девичья фамилия	4
Трубочист	6
Грузчица	7
Баллада о крапиве	8
Баллада о седых	9
В доме — беда!	11
Галка	13
Цыган	15
В лодке	16
Чайка	17
«До тебя ничего не помню...»	18
Поездам	19
«Он любит музыку грустную»	19
В роли Моцарта	20
Грубые мужья	22
Позднее оправдание	23
Правда	25
Красота	27
«— Аул!.. Аул!.. — я не зову...»	29

Майя Александровна Румянцева

ЧАЙКА

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 02342. Подписано к печати 30/VI 1965 г. Тираж 95 750. Изд. №1325.

**Зак. 1281. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. Физич. печ. л. 1. Услов. печ. л. 1,37.
Цена 4 коп.**

**Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.**

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Г. И. Успенского

**в девяти томах,
выпущенное Гослитиздатом**

Содержание томов:

Том 1. Нравы Растеряевой улицы. Растеряевские типы и сцены. Столичная беднота. Очерки и рассказы.

Том 2. Разоренье. Очерки и рассказы («Будка», «Очень маленький человек», «Умерла за «направление» и др.).

Том 3. Новые времена, новые заботы. Очерки и рассказы («Из памятной книжки»).

Том 4. Из деревенского дневника. Мученики мелкого кредита. Непорванные связи. Овца без стада и др.

Том 5. Власть земли. Крестьянин и крестьянский труд. (Очерки и рассказы. «Из деревенских заметок о волостном суде»).

Том 6. Волей-неволей. Скучающая публика. Через пень-колоду. Очерки («Буржуй», «Дохнуть некогда», «Один на один»).

Том 7. Письма с дороги. Живые цифры. Из путевых заметок. Из цикла «Мимоходом» («Паровой цыпленок»).

Том 8. Из цикла «Очерки переходного времени». Поездки к переселенцам. Из цикла «Мельком». Рассказы («Простое слово», «На минутку», «Богомолка», «Памятливый»).

Том 9. Статьи («Федор Михайлович Решетников», «Праздник Пушкина», «Смерть В. М. Гаршина», «Письмо в Общество любителей российской словесности», «Горький упрек» и др.). Письма.

Стоимость издания снижена (по 30 копеек за том).

Покупайте эти книги в магазинах, распространяющих подписные издания. При отсутствии их посылайте свои заказы по адресу: г. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, отдел подписных изданий.

С О Ю З К Н И Г А